

Марина
СЕРОВА

**Афера
В КАМЕННЫХ
ДЖУНГЛЯХ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Афера в каменных джунглях
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42191779
Афера в каменных джунглях: Москва; Эксмо; 2019
ISBN 978-5-04-100274-9*

Аннотация

Вера приехала в Тарасов из отдаленного поселка, чтобы снять квартиру, в которой они с сыном Ваней будут жить во время его учебы в институте. И вроде бы поначалу все сложилось отлично: квартира найдена, вещи перевезены и даже работу поблизости Вера нашла. Но только вернувшись однажды вечером домой, несчастная женщина обнаружила в квартире незнакомых людей, утверждающих, что они – хозяева квартиры и никогда никому ее не сдавали. Вера обращается к частному детективу Татьяне Ивановой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Марина Серова

Афера в каменных

ДЖУНГЛЯХ

© Серова М.С., 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

– Слушай, Лена, так не пойдет! – возмутилась я наконец. – Ты вообще мне помогать не хочешь! Всю работу я за тебя делаю, при всем том, что нужно это тебе, а не мне!

– Но я не знаю как... – сморщила носик девочка.

Определенно Кире и его супруге следует больше времени уделять воспитанию своих детей. К Кире, а точнее, к Кириянову Володе, подполковнику полиции и моему старинному другу, я отношусь очень хорошо. Он не раз выручал меня, а когда я только начинала свою работу частным детективом, многие дела мы распутывали сообща и до сих пор приходим друг другу на выручку. Сегодня в полдень Кириянов позвонил мне с неожиданной просьбой.

– Понимаешь, Ленка, моя младшая дочка, у нее жуткий завал по всем предметам, – пояснил приятель. – Уже вторая четверть скоро закончится, а если девчонка за ум не возьмется, ей даже тройков не видать. Она часто дома сидит, занятия не любит. То у нее живот болит, то голова, то еще что. Учителя навстречу ей пошли, заданий кучу велели сделать, чтобы хоть тройки ей натянуть, а Ленка не знает, как их делать. Вот к завтрашнему дню ей надо доклад принести по географии. Я бы помог, но работаю допоздна, а жена как раз в этот день к сестре собралась. Может, выручишь, а? У тебя с ней контакт хороший. Она тебя слушается. С меня все что

хочешь, только скажи.

– Да я географией особо никогда не увлекалась... – протянула я.

– Там не сложно! – заверил меня подполковник. – Седьмой класс, им же не научный трактат нужен! Ленка-то и сама может информацию отыскать, только надо все логически сложить, чтобы доклад последовательным был. Моя ж дуреха просто абзацы разные накидает, даже не читая, естественно, ей никто такое не засчитает. А ты умеешь строгость с детьми проявлять. Пожалуйста, Танюш, век тебе благодарен буду!

– Ладно-ладно, уговорил! – согласилась я наконец. Что мне, трудно ребенку помочь? И расследований у меня в ближайшее время никаких не предвидится – что-то жители Тарасова не спешат ко мне обращаться уже добрую неделю. Может, конец четверти, вот все убийцы и преступники бросились своим чадам доклады да рефераты делать, не до преступлений.

Решив так, я поехала домой к своему приятелю. Дома находилась только прогульщица-Ленка, старшая дочь учится в колледже, занятия у них допоздна.

Комната Леночки была маленькой, но уютной, на стенах висели вышитые картины – вероятно, работа самой хозяйки комнаты.

– Я лошадей очень люблю, – пояснила Леночка, заметив мой пристальный интерес к своей вышивке. – Мама мне все

наборы поэтому с лошадьми берет, жалко, что их не так много.

И правда, на всех вышивках обязательно была лошадь – то картина изображала амазонку с конем, то это была отдельная морда лошади, то бегущий табун.

– Вот доклад, – тихо проговорила девочка, дважды щелкнув мышкой по документу «География». – Нам надо написать про какой-нибудь материк.

Леночка остановила свой выбор на Южной Америке. Наверно, где-то с час я объясняла ребенку, как следует составлять доклад, что в нем писать и как оформить. Леночка слушала и согласно кивала, но я видела, что мыслями она где-то далеко и мои пояснения вовсе не слушает.

– Давай попробуй сама! – велела я ей. – Убери лишнее из раздела «Растения Южной Америки». С географическим положением, рельефом и климатом я тебе помогла, про растения и животных написать легче. Поэтому давай, вперед. Я же не буду тебе весь доклад делать!

Однако все мои старания прошли впустую. К концу второго часа работы над докладом я уже сама наизусть знала все касательно несчастного материка, тогда как Леночка, по всей видимости, по-прежнему не имела никакого представления о жизни в Южной Америке.

– Неужели тебе не интересно? – не выдержала я. – Только представь, в джунглях Амазонки есть гигантская кувшинка виктория-регия, которая способна выдержать вес более

тридцати килограммов! На нее можно посадить ребенка и использовать лист кувшинки в качестве плота! Где ты еще такое найдешь?

– Меня она не выдержит, – пожала плечами Леночка.

– Ну а подумай только, сколько животных обитает в сель-
ве! – снова воззвала я к воображению ребенка. – Там и та-
пиры, и попугаи, и кайманы...

– Лошадей там ведь все равно нет, – парировала Леноч-
ка. – А я только лошадей люблю, остальные животные мне
не нравятся.

Бог с ней, с этой школьной программой, подумала я, пус-
кай девчонка занимается тем, к чему у нее душа лежит. Вон
какие картины красивые вышивает, к этому ведь тоже спо-
собности нужны.

Поправ все законы педагогики, я взялась за дело сама,
предоставив девочке безучастно присутствовать рядом.

* * *

Когда мы уже распечатали доклад, раздался звонок мое-
го мобильного телефона. Я взглянула на экран – так и есть,
Кирия. Поди, интересуется, как продвигается процесс работы
над заданием по географии.

– Все в порядке, – сразу проговорила я в трубку. – Доклад
составили, можешь быть спокоен. Думаю, учитель Лены не
придерется.

– Спасибо тебе огромное, Танюш, – поблагодарил меня подполковник. – Только я тебе по другому поводу звоню. Ты не против очередного расследования? Уж не знаю, будет ли тебе интересно, но тут такая ситуация... Женщина одна в сложную историю попала, ей помочь нужно. Она не знает, что ей делать, поэтому, если ты сейчас свободна, может, возьмешь ее? Тут дело больше по твоей части, чем по нашей. Сможешь подсобить?

– Да помогу, конечно, – согласилась я. Похоже, сегодня моя очередь выручать приятеля, не все ж ему услуги мне оказывать. К тому же у меня сейчас тишь да гладь, никаких расследований – ни скучных, ни интересных – на горизонте не маячит. Если Киря прав, то дело этой женщины я раскрою быстро, никаких негативных сторон в просьбе Володи я не усмотрела. Напротив, у меня и дело появится, и гонорар за работу.

– Тогда я дам ей твой номер, хорошо? – обрадовался Кирьянов.

– Да, я не против, – согласилась я. – Хоть чем-то займусь.

– Вот спасибо тебе! – поблагодарил меня подполковник. – Тетку эту жалко до слез, не повезло ей.

Он повесил трубку, а я с интересом стала ждать звонка неизвестной мне потерпевшей. Если Кирьянов прав, она попала в какое-то затруднительное положение, для нее – серьезное, для меня – банальное. Даже не терпится узнать, чем на сей раз мне предстоит заниматься.

Она позвонила мне минут через десять – наверно, как только подполковник перезвонил и продиктовал мой номер. Голос несчастный, потерянный, точно женщина и вовсе утратила какую-либо надежду. Наверно, добрых двадцать минут разговора ушло на то, чтобы выбрать место встречи, – женщина извиняющимся, виноватым голосом объясняла, что домой к себе она пригласить меня не может, а на улице слишком холодно для прогулок. В конце концов я уговорила ее посидеть в кафе неподалеку от того места, где она проживала. Я толком не поняла, то ли она в общежитии обитает, то ли еще где, но район, который назвала женщина, находился очень далеко, на другом конце города. Видимо, она нашла номер полицейского участка, где работал Кирьянов, и ей повезло, что соединили с Володей. Женщина объяснялась непонятно, мне приходилось догадываться, чтобы создать всю картину происшедшего целиком. Представиться она позабыла, мне пришлось несколько раз спросить ее имя, прежде чем она сообщила, что я от нее хочу. Звали женщину Вера, и вроде она слышала хорошие отзывы о Кирьянове, а может, просто нашла номер первого попавшегося полицейского участка и таким образом благодаря подполковнику вышла на меня. Женщина говорила, что, если я не соглашусь ей помочь, она не знает, что ей делать, впору хоть в петлю лезть. Несколько раз она повторила нечто вроде «бедный мой Ваня, каково ему придется», из чего я сделала вывод, что пока суицидальных попыток она предпринимать не

будет. Мне надоело строить бесконечные догадки, и в конце концов я заявила:

– Вот что, давайте все-таки поговорим для начала, вы изложите мне суть своей проблемы, а там решим, как поступим. Уверяю вас, ко мне постоянно обращаются люди, которые уверены, что наступил конец света или что-то подобное. Могу вам сказать, любая проблема решаема, не стоит впадать в отчаяние. Подполковник Кирьянов не зря дал вам мой номер – я специализируюсь на распутывании сложных преступлений, поэтому могу сказать вам: я сталкивалась в своей практике со многими вещами. И без ложной скромности заявляю, что пока все мои расследования заканчивались успешно, я не брошу дело до тех пор, пока не найду преступника!

– Вся надежда только на вас! – сказала женщина. – Я очень хочу верить, что вы мне поможете, хотя я сама во всем виновата. Совершила глупость, вот и расплачиваюсь.

– Все люди совершают глупости, – заметила я. – Не ошибается тот, кто ничего не делает. Жизнь и состоит из ошибок, к этому стоит привыкнуть.

– Но не из таких же! – в сердцах воскликнула женщина. – Господи, какая же я глупая, какая идиотка! Меня обманули, как наивного пятилетнего ребенка, ну почему, почему я совершила такую несусветную ошибку?! О чем я думала, где была моя голова...

– Сейчас уже бесполезно винить себя, – сказала я. – Да-

вайте при личной встрече все обсудим, я не привыкла слушать рассказ клиента по телефону. К тому же это займет много времени, мне потребуется уточнить по ходу вашего рассказа детали, поэтому говорите, где находится ближайшее кафе, и я туда подъеду.

– Да не хожу я по кафе! – воскликнула моя собеседница. – Послушайте, а подъезжайте, наверно, к магазину, где я работаю. Там и решим, куда идти. Жаль, в служебное помещение я вас не проведу, у нас с этим строго. А если меня еще и уволят, то я попросту с ума сойду.

– Хорошо, говорите адрес вашего магазина! – велела я, про себя подумав, что за кафе, видимо, придется заплатить мне. Нетрудно догадаться, что у моей клиентки с деньгами туго, ну да ладно. Сегодня я занимаюсь благотворительностью, так и быть, мне не трудно потратиться на заведение общепита. Сомневаюсь, что в такой глуши имеется дорогой ресторан, – скорее всего, общаться мы будем в ближайшей к магазину забегаловке.

– Магазин называется «Семерка», – сказала женщина. – Он находится на Еловой улице, дом пятьдесят пять. Это нужно ехать в Ельинский район, конечная остановка тридцать седьмого троллейбуса.

– Хорошо, если заторов не будет, минут через сорок я подъеду, – пообещала я, не слушая дальнейшие объяснения женщины про местонахождение данного места. Общественным транспортом я давно не пользуюсь, у меня есть своя ма-

шина, оснащенная навигатором, поэтому мне вполне достаточно указания адреса, куда следует приехать. Я попрощалась со своей несчастной собеседницей, пожелала Леночке успехов в учебе и хороших оценок и покинула квартиру подполковника. Я могла с уверенностью сказать, что девчонка сейчас возьмется за свое любимое рукоделие, а про доклад по географии и вовсе забудет.

* * *

До Ельинского района я добиралась долго – и не только из-за того, что пришлось ехать на другой конец Тарасова. Несмотря на то что уже около двух недель в городе царил настоящая зима, дороги почему-то у нас не чистили, и как результат, машины ползли медленно, образуя заторы. Поэтому, когда я наконец-то добралась до нужного мне ориентира – магазина «Семерка», – было уже почти четыре часа дня. Ельинский район нельзя было назвать преуспевающим, напротив, на меня он навевал какую-то тоску и уныние. Все здесь буквально кричало о бедности и безысходности проживающих в нем людей – и приземистые, неказистые домишки, крыши которых были занесены снегом, и сиротливые деревья, протягивающие свои цепкие ветки-пальцы к пешеходным дорожкам, и кричащие вывески магазинов... На моем пути попадались парикмахерские, гордо именуемые «Салон красоты», пара кафе с такими же претенциозными названи-

ями. Одна закусовая называлась «Сладкая жизнь», другая – «Лучший выбор». Ну-ну, посмотрела бы я на этот самый «лучший выбор» – что они предложат? Боюсь разочароваться в своих ожиданиях, но вряд ли там можно найти нечто изысканнее картофельного пюре или не первой свежести булочек с капустой.

Зато магазин «Семерка» я нашла сразу – по той простой причине, что других универсамов с подобным названием поблизости не обнаружилось. Похоже, это был единственный сетевой магазин, остальные продуктовые оказались не столь большими и располагались на первых этажах жилых домов, самыми высокими из которых были пятиэтажные здания. Не думала я, что в нашем Тарасове можно найти подобный район – вроде везде сплошные новостройки, город стремится благоустроить. Но до Ельинского, видимо, руки у администрации города так и не дошли.

Я припарковала свою машину возле «Семерки» и набрала телефон моей недавней собеседницы. Вера ответила сразу же, словно не расставалась с телефоном и ждала моего звонка, как ребенок ждет Деда Мороза на Новый год. Надо узнать хоть, как к ней обращаться – просто по имени или все же с отчеством. Если она старше меня раза в два, то выберем более почтительный вариант.

– Да, Татьяна... Александровна, я не ошибаюсь? – уточнила женщина. – Вы уже около магазина или что-то поменялось?

– Все в порядке, – завершила ее я. – Я около «Семерки», вы выйдете? Простите, я не знаю, как вас звать полностью...

– Вера Виноградова, – отрапортовала та. – Я сейчас выйду, я в магазине в служебном помещении просто.

Когда я увидела свою новую клиентку, то поняла, что в обращении к ней отчество не принципиальное требование: выглядела она лет на тридцать пять – тридцать семь. Щупленькая, низенькая фигурка, закутанная в длинное черное пальто, на голове – нелепая вязаная шапка, видимо, собственное творение. Женщина горбилась, словно стеснялась всех подряд и пыталась выглядеть как можно незаметнее. Она торопливо подбежала к моей машине, я вышла к ней навстречу. Лицо – затравленное, неяркое, к ней как нельзя лучше подходит выражение «серая мышка». Бесцветные, испуганные глаза, в которых плещется отчаяние с робкими проблесками надежды, искушенные губы, вокруг рта – морщины, делающие ее гораздо старше, чем казалось при взгляде на ее субтильную фигуру. Если Вера и пользуется косметикой, то сейчас от нее не осталось и следа – губную помаду, если таковая вообще имелась на ее лице, видно не было, а глаза казались заплаканными и усталыми, словно она не спала последние ночи. Вера торопливо поздоровалась со мной и проговорила:

– Простите, что заставила вас ехать в такую даль. Мне самой следовало приехать куда-нибудь поближе к центру, скоро из Ельинского в город вообще будет невозможно попасть из-за пробок.

– Не беспокойтесь, – заверила я ее. – В конце концов, это часть моей работы. Если я берусь за дело, то стараюсь всеми способами помочь клиенту, даже если это касается банальных разъездов по Тарасову. Вы лучше скажите, где удобнее всего поговорить? Я имею в виду, есть ли тут кафе со столиками и стульями? Как-то не хочется стоять возле стойки в закусочной и разговаривать у всех на виду.

– Да-да, я уже спросила у Светы, моей сменщицы, – поторопилась сказать Вера. – Она сегодня работает в магазине, а я просто пришла вас дожидаться. Света говорит, что самое нормальное место – это кафе «Надежда», оно здесь недалеко, в двух кварталах ходьбы. Да, совпадение – кафе называется «Надежда», и у меня только одна надежда на вас.

– Что ж, тогда поедем в вашу «Надежду», – кивнула я. – Адрес знаете?

– Да, Еловая, семьдесят три, – назвала женщина местоположение закусочной, и я задала направление навигатору. И правда, тут до кафе рукой подать, но мне не хотелось оставлять машину без присмотра. Учитывая бедную обстановку Ельинского района, можно представить, что за люди тут могут жить, не хватало мне еще, чтобы мой автомобиль попытались вскрыть какие-нибудь криминальные субъекты.

Кафе «Надежда» представляло собой одноэтажное здание, в окна которого я разглядела стойку с предлагаемыми блюдами и очертания стульев и столиков. Радует то, что в этом заведении можно будет спокойно посидеть и обсудить

детали Вериного дела. На худой конец, можно было бы и в машине побеседовать, но, если есть выбор, я предпочитаю обстановку кафе. Как-то заметила, что за столом люди обычно ведут себя не так скованно и расслабляются, а это мне только на руку. Невозможно выпытывать подробности у клиента, который постоянно нервничает, дергается и путает слова. А судя по внешнему виду Веры, она как раз сейчас находилась в состоянии, далеком от душевного равновесия.

Однако полагая, что в кафе женщина хоть немного успокоится, я жестоко ошибалась. Едва мы только зашли в заведение, как Вера принялась затравленно озираться по сторонам, точно Маугли, всю жизнь общавшийся с волками и случайно попавший в человеческое общество. Я смотрела на нее с интересом – редко доводилось встречать людей, которые едва ли не впервые в жизни посещают заведение общепита. Возможно, я преувеличиваю, и Вера ведет себя столь странно из-за того, что переживает по поводу своего дела, но на первый взгляд создавалось ощущение, что для нее посещать кафе в новинку.

– Присядем за столик? – сказала я и, даже не предложив женщине выбрать подходящее место, решительно подошла к столу возле стены. Если она так нервничает, то лучше всего расположиться не на открытом пространстве, а именно у стены. Это психологическая уловка, человек чувствует себя комфортнее, если сзади у него находится твердая преграда, отделяющая его от других посетителей. Я кивнула Вере

именно на стул возле стены, та послушно села. Я заняла место напротив нее и предложила:

– Посмотрите в меню, что закажете, вот книжечка.

Я кивнула на буклет, в котором были указаны наименования предлагаемых блюд и цена за них. Вера едва не отшатнулась от списка блюд и, теребя в руках край рукава своего пальто, запинаясь сказала:

– Я... я... нет, спасибо, я ничего не буду.

– Тогда не возражаете, если я закажу на нас двоих? – я поняла, что Вера либо стесняется (хотя по возрасту далеко не школьница), то ли у нее попросту нет денег на кафе. Пока женщина соображала, что ответить, я уже пробежала глазами скромный ассортимент предлагаемых в кафе блюд и остановила свой выбор на кофе и круассанах.

Едва я только определилась с заказом, как подошла весьма хмурая дородная официантка в черном фартуке и неприветливо спросила, что мы желаем. Вера взирала на нее чуть ли не с ужасом – уверена, не будь меня рядом, женщина тут же опрометью выбежала бы из кафе и вообще ни за что в жизни близко к заведению бы не подошла. Однако я взяла инициативу в свои руки и самоуверенно проговорила:

– Два эспрессо и четыре круассана, пожалуйста.

– Все? – так же сердито осведомилась официантка.

Я кивнула.

– Ждите, – буркнула дама и отошла в сторону.

Мой заказ она даже не записала – что говорить, обслужи-

вание в кафе оставляет желать лучшего. Надеюсь, кофе окажется не столь отвратительным, как обхождение с клиентами. Странно, что некая Света посоветовала своей коллеге именно это заведение. Боюсь даже предположить, что творится в других кафе Ельинского района.

– Ну что, расскажете, в чем суть вашей проблемы? – участливо спросила я Веру. Женщина, на которую официантка произвела столь сильное впечатление, не сразу услышала мой вопрос, мне пришлось повторить его еще раз. Наконец несчастная посмотрела на меня и судорожно кивнула:

– Да, простите... Конечно... просто я в кафе один раз в жизни была. Я не из Тарасова, всю жизнь прожила в Екатериновке, а там у нас есть в общественных заведениях не принято.

А, вот оно что. Стало быть, моя клиентка из глубинки, отсюда и ее ужас перед кафе и прочими привычными для жителя Тарасова местами. Что ж, я почти не ошиблась в своих суждениях. Естественно, я и виду не подала, что удивлена или, еще хуже, отношусь к своей собеседнице иначе, нежели к обычному городскому жителю. Напротив, я улыбнулась, чтобы расположить Веру к общению, и поинтересовалась:

– Екатериновка, она далеко? Простите, я там не бывала, не знаю.

– Отсюда три часа езды на электричке, – тут же отозвалась Вера. – Да, ровно три часа... Для меня это много, учитывая то, что я никогда в своей жизни Екатериновку не покидала.

Выбралась вот в Тарасов, надеялась, к лучшему все будет... Знаете, как у Булгакова в «Мастере и Маргарите»: «Грусть перед дальней дорогой вполне естественна, даже тогда, когда человек знает, что в конце его ждет счастье». Я-то по глупости тоже думала, что все перемены к лучшему, только ошибалась.

– Вы Булгакова любите? – спросила я. Видимо, Вера наизусть произведение автора знает, раз так с ходу цитирует.

– Да я многих наших авторов люблю, – призналась женщина. – Стихи особенно, Блока, Тютчева... Наизусть многие помню. Да я же учительницей литературы сколько проработала, поневоле начнешь всех классиков цитировать!

– Ах, вот оно что... – кивнула я. – Стало быть, вы учитель русского языка и литературы?

– Да, после школы окончила колледж наш в Екатериновке. Это единственное среднее учебное заведение в поселке, помимо техникума строительного, а после него обычно в школу идут работать. Кто математику преподает, кто – как я – русский и литературу. Для школы и среднего заведения достаточно, если, конечно, человек из Екатериновки никуда уезжать не планирует. Я вот и не собиралась – мечтала о семье, детишках... Были, конечно, у меня мысли поехать в Тарасов и там в институт педагогический поступить, я ведь с детства знала, что учителем стану. Только судьба совсем по-другому повернулась. Когда я его встретила...

Вера замолчала. Я подождала, пока она продолжит, но

женщина, видимо, погрузилась в свои воспоминания и напроочь забыла о нашем разговоре, да и, собственно, обо мне тоже. Я рискнула нарушить молчание и поинтересовалась:

– Его – это кого?

– Лешу. Точнее, Алексея, Алексея Морозова, – вздохнула Вера. – У нас ведь не одиннадцать классов, а девять общеобразовательной школы, а после выпускники либо в техникум, либо в колледж идут, там учиться три года, некоторые продолжают обучение и получают высшее образование. Когда мне было пятнадцать лет, я школу окончила и сразу в педагогический колледж пошла, там экзамены чисто для проформы были. Два года я проучилась, с отличием, все предметы на пятерки сдавала, четверок почти не было. А в последний год, выпускной, с Лешей познакомилась. Случайно получилось – он приехал с родителями в Екатериновку к деду, который там жил, сам-то Леша из Тарасова, а родился в глубинке. У него родители в Тарасов переехали жить и сына забрали. Леша и учился в Тарасове, в университет поступил недавно, второй год обучения тогда пошел. На математический факультет Тарасовского университета. Только с дедом инсульт приключился, вот отцу с матерью Леши и пришло письмо – от соседей, вроде как чтобы приехали, навестили. Леша рассказывал, что родители его с дедом поссорились из-за чего-то, вот и не поддерживали с ним связь. Ну а когда со стариком беда приключилась, родственники и вздумали навестить его. Как раз у Леши перед сессией каникулы были,

он ведь старше меня на два года... Хотя он и не общался с дедом, давно ведь его в город забрали, Леша решил все-таки посетить несчастного одинокого старика. Мы с Лешей в самый канун Нового года познакомились, я на елочный базар пошла веточек еловых купить, чтобы украсить. В нашей семье большую елку на праздник никогда не покупали – и дорого, и мусора полно. У меня мама порядок очень любит, поэтому мы если только пару веточек поставим, нарядим – вроде как новогодняя атмосфера, и все такое. Леша первым ко мне подошел, спросил, почему я только ветки беру, а не большую елку. Я тогда посмеялась – сама ведь я всю жизнь худенькая, каким образом мне целое дерево домой тащить! Мне почему-то так весело стало, и я, хотя и не привыкла на улице знакомиться, разговорилась с ним. Впервые за долгое время, наверно с самого детства, поверила в чудо. Леша был высоким, красивым, голубоглазым – прямо принц из сказки, да и только. А я ведь себя всю жизнь дурнушкой считала – ни лицом не вышла, ни фигурой. Кто на такую позарится, а тем более красавец вроде Леша. До сих пор не знаю, что он во мне нашел... И умным Леша оказался, мы разговаривали с ним обо всем на свете. Он мне про всякие фокусы с числами рассказывал, про одно такое число, которое, если его все время умножать на семь, будет повторяться цифрами. Оказалось, что мы оба без ума от Бродского и Есенина, а из школьной программы больше всего любим «Мастера и Маргариту», а у Достоевского самым удачным романом

считаем «Униженных и оскорбленных». Знаете, мне и не верилось, сколько у нас всего общего – даже стихи одинаковые наизусть помнили! Я про свои ветки и забыла – мы гуляли по заснеженным улицам несколько часов подряд, и я несколько не устала и не замерзла. Оказалось, что у Леши есть водительские права, он предложил мне покататься на своей машине. Сказал, что родители ничего не заметят, вроде мать у него салаты режет, а отец ей помогает. Я сразу согласилась – ни за что не поверила бы, что такой умный и образованный человек может мне что-то плохое сделать. В общем, где мы только не ездили – и по лесу, и по полям. У нас ведь в Екатериновке природа очень красивая, даже заброшенная церковь есть. Мы туда доехали, внутрь залезли, у Леши фонарик был. А я вообще реальность от сна не отличала – как будто все это не наяву было, а мне грезилось. В общем, в ту ночь в Лешиной машине все и случилось. До него у меня никого не было, и он мне тоже говорил, что я у него – первая... Я всему верила – мне только семнадцать должно было исполниться, и казалось, что ничего дурного мы не делаем, все как-то само собой вышло. Леша мне в вечной любви клялся, пригласил отметить Новый год у него, но я отказалась. У меня родители волноваться могли, я как-то не подумала, что пропала внезапно, а когда он предложил домой к нему ехать, я вспомнила, что ни мать, ни отца не предупредила. Леша меня до дома проводил, все родителям объяснил – ну вроде мы познакомились и гуляли долго. При посторонних

ни отец, ни мать ругаться не стали, но, когда Леша уехал, страшно вспомнить, что было... Отец меня выпороть грозился, мать обозвала последними словами, и все это – в новогоднюю ночь. Как будто я из рая в ад угодила! Конечно, про то, что случилось в машине, я ничего не рассказала – наверно, если б родители узнали, точно убили бы меня на месте. Я разрыдалась, в комнату свою убежала, а они продолжали на меня орать. Всю ночь я редела в подушку, а утром, видать, на нервной почве, у меня жуткая тошнота началась, хотя отравиться я не могла – ничего ведь не ела, какое там... Ни мать, ни отец со мной дня три не разговаривали, а мне со временем становилось все хуже и хуже. Я вообще ничего есть не могла, а потом внезапно мне захотелось кабачковой икры – мать на зиму делает, я ее, вообще-то, терпеть не могу, она для отца. Острая слишком, я в жизни такое не съем. А тут внезапно меня точно с катушек сорвало – я тайком прокралась на кухню, пока никто не видит, открыла банку и едва ли не пальцами стала в себя эту икру запихивать...

Наверно, вы понимаете, к чему я рассказываю все эти подробности. Леша звонил мне на домашний телефон, у него то мобильный был, а в нашей семье сотовый только у отца. Мне покупать не стали – и дорого, и вроде я такая домашняя, после колледжа домой сразу, в клубе местном ни разу не была. Я пыталась трубку взять, но мать всегда опережала. Наконец, когда страсти поулеглись, я из дома тайком вышла, с Лешей встретилась. Мы снова с ним гуляли, только

теперь тайком – чтобы никто из моих домашних не узнал. В общем, когда я по совету своей подруги лучшей, с которой всем делилась, купила в аптеке тест, результат был положительный. Я-то только тогда поняла, откуда моя тошнота и необычные вкусовые пристрастия. Несмотря на то что я такая неопытная и наивная была, книжек много прочитала, не только классику, поэтому сама удивилась, как мне такое объяснение в голову не пришло. Но повела себя как последняя дура – радостно Леше сообщила, что он через девять месяцев станет отцом. Думала, что он как порядочный человек женится на мне, мы уедем в Тарасов и там моя мечта о семье и детях сбудется. Правда оказалась для меня ужасной. Выяснилось, что жениться на мне Леша не собирается, – он сказал, что в Тарасове у него девушка есть, с которой он уже год встречается, а я так, «курортное развлечение». Как он сказал, пока, чтобы не скучно было... Короче говоря, никакая я у него не первая и не единственная любовь, а до меня и этой самой девушки таких, наверно, с десятков было. Леша заявил, что беременность – это моя проблема и что я ничего не докажу, вроде нагуляла с кем-то, а на него все свалила. Я тогда не подумала, что существуют тесты на отцовство, не до этого было. Я совершала одну глупость за другой – рассказала все матери, а та, вместо того чтобы поддержать меня и успокоить, стала настаивать на аборте. Но я наотрез отказалась – заявила, что если они способны на убийство ребенка, пускай и не родившегося, то и мать, и отец – изверги и я

сама без них проживу. Короче говоря, меня выгнали из дома – точнее, отец дал все-таки денег на однокомнатную халупу на окраине Екатериновки, но жить в семье запретил – вроде я им не дочь теперь, а развратная проститутка. Так и пришлось мне забыть о мечте о высшем образовании в Тарасове и большой любви – Леша спустя день после того, как я ему рассказала о своей беременности, уехал из Екатериновки и больше я его никогда не видела. Мне все же удалось окончить колледж – пока никто не знал, что я в положении, поэтому диплом я защитила. А когда родила Ваню, сына моего, спустя некоторое время стала искать подработки. Кем я только не подрабатывала – сначала дома рукоделием всяким занималась, потом, как окрепла после родов, полы в местном клубе мыла, продавщицей работала в магазине, и только чудом мне удалось устроиться учительницей в местную школу. Повезло, что подружка моя поговорила с директором, объяснила мою непростую ситуацию, помогла, в общем. Представляете, какое отношение к матери-одиночке, которая родила-то невесть от кого? Хорошо, что мне восемнадцать исполнилось, так бы вообще кошмар был... Ни мать, ни отец со мной не общались – хотя я и жила с ними в одном поселке, они вычеркнули меня из жизни, ни разу не поинтересовались, как их внук поживает. Только с одной подругой у меня хорошие отношения были, но она вышла замуж и уехала в Тарасов, а я осталась в Екатериновке. Пять дней в неделю в школе преподавала, по выходным в ночную

смену уборщицей работала, и то тайком, чтобы никто из учеников не увидел, а дома на заказ всякие свитера вязала. Наверно, если б не Ваня, я с ума сошла бы от такой жизни. Жила б одна – руки на себя наложила бы, и все тут. А ребенок стал смыслом моей жизни, ради него я работала не покладая рук, только о нем одном и думала. И Ваня рос заботливым, любящим ребенком. В отличие от других детей он никогда не был эгоистом, в жизни не требовал купить ему дорогие игрушки или что-то подобное. Наоборот, мне помогал во всем, он и готовить рано научился. В шесть лет запросто мог яичницу на завтрак пожарить, даже суп несложный сварить. В школе когда потом учился, им бесплатные булочки давали, а он мне приносил – все время беспокоился, чтобы я поела. Представляете, парнишке всего девять лет, а он мне конфету шоколадную отдает, единственную! И пытается галантно пальто подать, как настоящий джентльмен! Видимо, в награду за мои мучения и нелегкую жизнь судьба мне золотого ребенка подарила, другие дети, особенно если единственные в семье, эгоистами растут, инфантильными и несамостоятельными, а Ваня совсем не такой. Я могла даже ему о своих проблемах рассказывать, несмотря на то что он маленький, и сын всегда внимательно меня слушал и ни в чем не обвинял. Я про отца не стала сочинять, что, мол, дальний мореплаватель, или путешественник, или летчик – сказала, что у него другая семья, и все. Ребенок ведь все равно правду узнает, так зачем ему лишняя психологическая травма?

Пускай лучше от матери все услышит, чем от посторонних людей. Ведь говорят, все тайное становится явным, и эта поговорка всегда сбывается. Когда я спросила его, жалеет ли он, что у него нет папы, Ваня посмотрел на меня серьезно и сказал: «Зато у меня есть самая лучшая мама, и никакого папы мне не нужно!» Я тогда чуть не расплакалась...

Воспоминания снова захлестнули Веру, женщина замолчала. Я поняла, что она опять забыла про настоящую причину нашей встречи – подробно рассказывая мне о своей тяжелой жизни, она не понимает, что меня интересует в первую очередь суть проблемы, для решения которой она решила нанять частного детектива. А мелодраматические подробности из ее прошлого, которые к нынешней ситуации отношения не имеют, меня не слишком интересуют. Хотя, возможно, корень зла запрятан в предшествующих событиях? Одно я могла знать наверняка: если б с ее сыном случилась какая-то беда и она поэтому бы обратилась в полицию, вряд ли Вера бы рассказывала мне все это.

– Так что же у вас произошло? – спросила я наконец. Женщина точно очнулась от забытья и посмотрела на меня.

– Я вам не до конца все рассказала, – медленно заметила она. – Про Ваню моего...

Наш разговор был прерван появлением мрачной официантки с подносом. Совсем забыла и про свой заказ, и про не слишком хорошее обслуживание в кафе. Гм, интересно, что она так долго возилась с кофе и круассанами? Могу поспо-

ритель на что угодно, что в кафе имеется кофейный автомат, ровно как и готовые пирожные. Ни за что не поверю, будто они все готовят на месте – скорее всего, закупают в продуктовом магазине и продают за высокую цену посетителям.

Официантка молча поставила поднос на наш столик и так же, не говоря ни слова, исполненная гордости и достоинства, удалилась. Я покосилась на две чашки и не слишком аппетитные круассаны. Надеюсь, кофе хотя бы теплый, а в круассанах я не обнаружу какого-нибудь таракана.

Вера тоже не отваживалась приступить к дегустации, но не потому, что сомневалась в качестве блюд, а из-за своей стеснительности и боязни. Да, в наши дни большая редкость встретить человека, который никогда в жизни не посещал обычного кафе. Наверняка у них в школе столовая имелась, а это заведение не слишком отличается от банальной студенческой или школьной закусочной. И все же Вера колебалась, не зная, что делать со своим кофе и пирожным.

Я поняла, что придется брать инициативу в свои руки, спокойно пододвинула к себе ближнюю ко мне чашку и круассан и с улыбкой отпила глоток эспрессо. Что ж, я ожидала худшего, но по крайней мере кофе оказался горячим и крепким, а круассан – даже сладким и с начинкой.

– Вкусно, – заметила я, предлагая Вере последовать моему примеру. Женщина поняла мой жест, едва ли не трясущимися руками обхватила свою чашку и поднесла ее к губам. Я незаметно наблюдала за ней – создавалось ощущение

ние, что ей предложили либо дорожущее шампанское, фужер которого стоит как однокомнатная квартира, либо бокал с отравой. Наконец она отпила глоток и поставила чашку на место, как бы исполняя трудовую повинность. Попробовать круассан оказалось для моей собеседницы непосильной задачей – она посмотрела на меня, словно спрашивая, можно ли ей продолжать свой рассказ. Я прожевала кусок пирожного и приободрила ее:

– Вы хотели рассказать про своего сына, Ивана? С нетерпением жду продолжения истории.

Вздохнув с облегчением, Вера продолжила:

– Ваня всегда старательно учился в школе, правда, отличником он никогда не был. Но домашние задания выполнял, уроки не пропускал, хотя ему, как мне казалось, было не слишком интересно учиться. До седьмого класса, когда по программе началась география. Где-то со второй половины учебного года ученики Ваниного класса стали изучать природу различных материков, и Ваня увлекся этой наукой. Он прочитал в нашей библиотеке все книги Альфреда Шклярского – знаете, это польский писатель. У него много повестей про Томека, мальчика, отец которого был звероловом и путешественником, поэтому главный герой ездил с командой отца по разным континентам. В книгах очень увлекательно описываются не только приключения путешественников, но и подробно рассказывается про флору и фауну материков, где оказываются герои. У Вани была очень хорошая учитель-

ница по географии – однажды она рассказала детям про Южную Америку, про природу реки Амазонка, и с тех пор Ваня буквально заболел этой Амазонией. После уроков в школе он спешил в нашу библиотеку, где просиживал по несколько часов, выискивая все сведения про Южную Америку. У него даже блокнот был специальный, куда он переписывал статьи из научных журналов и книг. Это сейчас у всех, даже в Екатериновке, интернет есть, где можно найти что угодно, а когда мой сын учился в средней школе, то и доклады с рефератами готовили по книгам, и статьи читали научные. Ваня любил контурные карты раскрашивать, но они же маленькие, формат альбомный. Все весенние каникулы, а это неделя, мой сын рисовал большую карту Южной Америки, которую потом разукрасил акварельными красками. Конечно, с параллелями и меридианами я ему помогала – их же трудно чертить, но все остальное Ваня сам делал. Эта карта до сих пор у нас в квартире висит, аккуратная, сделанная с любовью... Ваня мог часами мне про свою Амазонию рассказывать – какие там животные, растения, жители... Он говорил, что когда вырастет, обязательно путешественником станет и в сельву, в джунгли в общем, поедет. Я-то думала, сын вырастет и забудет о своем увлечении, а оказалось совсем наоборот. Когда Ваня в выпускной, девятый класс пошел учиться, он сказал мне, что после колледжа нашего обязательно поедет или в Москву, или в Петербург – на геолога учиться. Я сына поддерживала – то, что мальчик увлек-

ся определенной наукой, уже замечательно. Другие его одноклассники ночами из клуба не вылезают, сигареты курят, пиво пьют да наркотиками балуются, а Ваня о своем будущем думает. С другими ребятами Ваня не общался – у них не было общих тем для разговоров, сыну со мной было интереснее, чем со сверстниками. Ребята из класса тоже как-то его сторонились – не понимали увлечения моего сына, да Ване и со мной общения хватало. Мы с ним старались в выходные дома не сидеть, хотя в Екатериновке особых развлечений нет, редко когда приезжает цирк с гастрольями или студенты с театрального отделения с постановками. Я везде своего сына водила – пусть хоть редко, зато культурное развитие. Однажды к нам террариум приехал, в клубе выставка была. Стоила дорого, но я деньги из своих сбережений взяла, и ни капли не пожалела. Сыну так рептилии понравились, и он столько всего про них интересного знал, я даже удивилась! Мы, наверно, минут по двадцать возле каждого живого экспоната стояли, а Ваня рассказывал, где эта змея или крокодил живет, представляет ли опасность для человека, до какого размера вырастает... В четырнадцать лет сын мой как ходячая энциклопедия был, я-то многого не знаю...

– И как, удалось Ване поступить на геологический? – поинтересовалась я.

Вера отрицательно покачала головой:

– Пока нет. Сначала сын учился в колледже у нас в Екатериновке, на учителя начальных классов. На преподавателя

географии бы ему, но у нас в колледже факультетов не так много, вот и пришлось выбирать из того, что есть. Я уговорила его не в столицу ехать, а в Тарасов – здесь же есть и университет, и факультет нужный, поэтому Ваня согласился со мной. Москва и Петербург с моими доходами, увы, несбыточная мечта, но на Тарасов я упорно деньги копила. Устроилась еще на одну работу, чтобы потом в город поехать и жилье снять. У меня был свой план – я должна была первая ехать в Тарасов, чтобы жилье для Вани найти, работу себе подыскать. Увы, моего среднего педагогического для работы учителем в таком крупном городе мало, везде во всех школах требуются преподаватели, окончившие университет или институт. Поэтому я хотела себе подыскать любую работу, пускай самую простую, зато с постоянным доходом. Ваня после колледжа тоже работать пошел на местную фабрику, мне помогать. Учителем он не стал – потому что подработка нужна была временная, до переезда. А фабрика – самое подходящее место, в Тарасове таких и нет, а в глубинках сохранились. Но ни моих, ни Ваниных денег на переезд не хватало, и мне пришлось обратиться к родителям. Не знаю, как мне удалось мать уговорить мне помочь, я обещала долг вернуть сразу же, как на ноги встану. В общем, собрала я нужную сумму денег – чтобы квартиру самую дешевую снять и первое время жить. У знакомых и коллег из школы позанимала, кто-то отказывался выручить, но некоторые помогли. Ваня в Екатериновке остался, а я сюда, в Тарасов, прие-

хала. Сын по интернету нашел несколько фирм в Тарасове, которые помогали приезжим с поиском квартиры. Несколько первых агентств, куда я звонила, просили слишком большую сумму за услуги, а у меня таких денег не было. И только одна последняя, «Эллада», обещала помочь за приемлемые деньги. Я туда и обратилась – сын ее самой последней записал, наверно, впопыхах нашел. Мне сказали, что нужно встретиться с риелтором, Маргаритой Костиной, чтобы обговорить с ней все детали. Помню, тогда среда была, мы встречу на четыре дня назначили. Эта женщина примерно моя ровесница, может, чуть младше, назвала мне несколько вариантов в центре, но у меня таких денег не было, я попросила подыскать что-нибудь подешевле. Тогда риелтор сказала, что есть квартира в Ельинском районе, она самая дешевая, потому что от центра Тарасова далеко находится, район бедный и непристижный. Но я решила, что на первое время мне подойдет, и сразу согласилась. Даже удивилась, что мы поехали смотреть квартиру, я была согласна хоть в бараке жить... Дом, где жилье предлагалось, был трехэтажный, но жилой, квартира – маленькая, но мне она показалась настоящим дворцом. К тому же поблизости я заметила магазин, где продавец требовался без высшего образования и опыта работы. Поэтому я сразу и согласилась. Риелтор мне велела какую-то бумагу подписать, я все деньги отдала и тут же заселилась в квартиру. Только вещи кинула, сразу в магазин, в «Семерку», побежала устраиваться. Меня взяли почти без

разговоров – им давно работник требовался, а я готова была без выходных в магазине сидеть, только бы деньги зарабатывать. В магазине мне понравилось, хотя зарплата не слишком большая, зато коллектив хороший. Со своей сменщицей подружилась, с другими сотрудницами... Первую неделю я едва ли не на крыльях летала – и работа мне подходила, пускай и сложная, и жилье я нашла. Ване позвонила, сказала, что через две недели он смело может приезжать в Тарасов, в этом году будем подыскивать ему работу, а на следующий он сможет в свой институт поступать на геолога. Хорошо, что у сына вещей немного – у нас дома не компьютер, а ноутбук, его перевезти гораздо легче. Ваня, хоть и книги больше читать любит, без интернета не мог, ему постоянно связь нужна была. Я начала готовиться к приезду сына – вещи разобрала, порядок наводить стала в свободное от работы время... В общем, неделю я жила в радостных заботах, рисовала себе картины нашей с Ваней счастливой жизни в большом городе, и тут – как гром среди ясного неба...

Вера замолчала, подобно опытному рассказчику, который, заинтриговав слушателей, выжидает момент, прежде чем продолжить захватывающую историю. Я смотрела на женщину с ожиданием, и та, верно истолковав мой немой вопрос, продолжила:

– Был понедельник, моя смена. Я работала с восьми утра до восьми вечера, а во вторник – наоборот, в ночную, с восьми вечера до восьми утра. Магазин круглосуточный, график

сами продавцы себе удобный составляют. Я кассу сдала другой работнице, пошла домой. Иду по улице, вдруг вижу – в моих окнах свет горит. Я себя ругать стала – какая растяпа, забыла перед уходом лампы потушить. За свет же деньги платить, то есть за электричество, хорошо еще, что газ всегда выключаю, проверяю специально. Я и свет выключала всегда, странно, что в тот день позабыла. Однако чем дальше, тем мне страшнее становилось – ладно если бы свет горел только в прихожей, так нет, и в комнате, и в кухне... Думала, ошиблась, может, дом перепутала, но я же не совсем идиотка, свой адрес, что ли, не найду? У меня жуткие мысли – а вдруг воры забрались? Да у меня и красть нечего: ни денег, ни техники. Зарплату мне на карту перечислять должны... Хоть и успокаивала себя, а все равно неприятно, что кто-то чужой по моей квартире ходит.

Поднимаюсь на свой этаж, достаю ключи, а открыть не могу, с той стороны двери мешает что-то. Я стояла, возилась с замком, внезапно дверь открылась, и я вижу на пороге сердитую женщину лет сорока в домашнем халате. Позади нее – мужчина в тренировочных штанах и футболке. Ну и немая сцена – я на них смотрю, а они на меня. Опускаю глаза, вижу свои сумки в коридоре. Женщина руки в бока уперла и на меня кричать стала – кто я такая, откуда у меня ключи, зачем вламываюсь в их дом. Стала угрожать, что полицию вызовет. Я спрашиваю, адрес свой назвала и уточняю, тот ли это дом, вдруг ошиблась. Нет, все верно – и номер дома, и квартиры.

Я совсем понимать что-либо перестала – объяснять начала женщине, что квартиру я сняла в агентстве, живу тут неделю. Женщина опять крик подняла – мол, они с мужем здесь уже двадцать лет живут, уезжали на две недели к родственникам, приехали – а здесь вещи чужие. В общем, она меня выгнала из дома, я едва слезы сдерживала. Села на лавочку, принялась в агентство звонить. Трубку никто не берет – может, поздно слишком, закрыто оно. Мобильного телефона риелтора, этой Маргариты Костиной, у меня не было – я сплеховала, не спросила ее. Женщина все мои вещи на улицу выставила, я взяла их и к магазину пошла. Рассказала все сотруднице, она меня пожалела – мы с ней хорошо общались, можно сказать, подружились. Ее Маша зовут, Мария Снежкова, она мне и предложила у нее пока пожить. Она мне еще давно рассказывала, что в двухкомнатной квартире одна живет – раньше муж у нее был, но потом он ее бросил, ушел к любовнице. Детей у Маши нет, вот она одна совсем, тоже много работает, чтобы только дома поменьше бывать. Ей там все мужа напоминает, а в магазине за кассовым аппаратом не до воспоминаний и депрессии, там внимательность нужна. Маша мне ключи дала и разрешила, пока я недоразумения с квартирой не улажу, у нее пожить. Если б не она, пришлось бы мне на улице ночевать и в магазине жить... Вот только и на следующий день до агентства я не дозвонилась – по-прежнему трубку не брали. Рассказала все Ване, он пообещал в интернете их сайт найти и туда написать. Но оказалось, что

у «Эллады» ни сайта, ни даже страницы в интернете нет, а телефон только один дан, по которому я и звонила. Ваня тоже стал пытаться до них дозвониться, но и у него ничего не получилось. Сын во всем себя винил – он же агентство нашел, хотел в Тарасов приехать, но я его отговорила. Не будем же мы вместе с сыном у Маши жить! Я хотела в полицию обратиться, чтобы агентство нашли и мне деньги вернули – они же обманули меня, дали квартиру, в которой люди живут. Не знаю, со всеми простаками они так поступают или я одна такая, кто поверил... Наверно, всю оставшуюся жизнь буду себя за это укорять...

– И вы в полицию позвонили, а там посоветовали нанять частного детектива? – я догадалась, что Вера наткнулась на Кирьянова, который и порекомендовал несчастной женщине мои услуги. Та кивнула.

– Да, только вы меня простите, я вам обязательно заплачу, как только зарплату первую перечислят! – заверила меня женщина. – Я ведь чуть больше недели в магазине работаю, поэтому пока и аванса нет. Но вы не сомневайтесь, я никогда никого не обманываю! Просто если вы мне не поможете, то я не знаю, что делать. Деньги-то заплатила за квартиру не только свои, но еще у знакомых занимала, мне и с ними расплачиваться нужно... Если верну деньги, уеду отсюда в Екатеринбург – хватит с меня приключений.

Я посмотрела на свою собеседницу. Поникшая, печальная и отчаявшаяся, она чем-то напоминала бездомную собачонку.

ку, которую выгнал хозяин. Вроде верила человеку, а он жестоко предал ее, – потому что дворняга, потому что не нужна. Вот и Вера, как эта дворняжка, – поверила обещаниям, а ее так жестоко обманули. Не виновата ведь она, что родилась в глубинке и жизни не знает, а люди в Тарасове попадаются и нечестные, и жестокие. Конечно, бесплатно я работать не привыкла – любой труд должен оплачиваться! – однако Вере отказать не смогла. Я точно знала, что женщина будет стараться, будет работать изо всех сил, чтобы только оплатить услуги частного детектива и вернуть долг. Я еще раз взглянула на ее нетронутый круассан и кивнула:

– Хорошо, я возьмусь за ваше дело. Заплатите потом, если расследование даст положительные результаты.

Глава 2

Перед тем как покинуть кафе (Вера явно с нетерпением ждала, когда можно будет уйти оттуда), женщина продиктовала мне номер телефона злополучного агентства и имя риелтора. Попрощавшись со мной, она торопливо схватила свое пальто и застегивала его на ходу, словно бежала с места преступления, а не выходила из кафе, где обычные люди привыкли хорошо проводить время. Я молча смотрела ей вслед, про себя думая, что, вероятно, ее не исправить. Даже если случится чудо, она найдет себе богатого мужа или внезапно разбогатеет, боязнь кафе, ресторанов и прочих «дорогих» заведений останется у нее навсегда. Ведь есть такое мнение, что богатый человек отличается от бедного не тем, сколько денег у него в кошельке или на кредитке, а своим мышлением. Бедный человек так и останется бедным, пусть у него в кармане миллион долларов, а богатый и с тремя рублями останется богатым. Просто состоятельные люди легче относятся к деньгам – они привыкли к тому, что материальные блага появляются и исчезают, и не делают из этого никакой трагедии. Зато те, кто с детства привык считать каждую копейку, проверять, сдали ли в магазине рубль, переживать из-за трат, пускай и необходимых, навсегда останутся такими. То же самое и с Верой – женщина выросла в глубинке, у нее уже устоявшаяся психология малоимущего человека.

И до конца жизни, при любых обстоятельствах она будет переживать из-за денег.

Поймав себя на мысли, что предаюсь сейчас размышлениям, вместо того чтобы действовать, я вытащила мобильный телефон и, нисколько не смущаясь хмурых взглядов, которые бросала на меня официантка, принялась названивать в агентство «Эллада». Как я и ожидала, трубку никто не брал. Сперва я думала, что не отвечают только Вере – ее же обманули, а номер мобильного в памяти телефона сохранился. Но не отвечали и на мой звонок, значит, номер с самого начала был липовый. Что ж, пойдем другим путем...

Я открыла новую интернет-страничку, ввела запрос «Агентство «Эллада» Тарасов». Оказалось, что в нашем городе есть такое агентство, но занимается оно не продажей квартир, а сетевыми продажами. Номер телефона «Эллады» не соответствовал тому, что дала мне Вера. Все же я набрала указанный на сайте контактный номер и приготовилась к разговору.

Трубку взяли сразу – судя по голосу, со мной беседовала молодая женщина лет двадцати пяти – тридцати. Она вежливо поздоровалась, пояснила, что я позвонила в агентство «Эллада», и поинтересовалась, что я желаю.

– Здравствуйте, – ответила я взаимным приветствием. – Понимаете, у меня такая ситуация, я приехала из области и мне срочно нужно снять квартиру. Мне посоветовали ваше агентство, вы можете мне помочь?

– Прошу прощения, но, вероятно, вы ошиблись, – с сожалением ответила администратор. – Видимо, вам дали не тот номер, наше агентство занимается исключительно сетевыми продажами. Попробуйте позвонить в другие агентства недвижимости.

Я поблагодарила, женщина попрощалась и отключилась. А я продолжила изучать список агентств дальше.

Однако скоро мне пришлось смириться с тем, что агентства «Эллада» в Тарасове не существует. Точнее, я нашла огромное множество фирм, автосалонов, кафе и салонов красоты с одноименным названием, однако квартирным вопросом ни одна из организаций не занималась. На мой очередной телефонный звонок по данному Верой номеру тоже никто не ответил. Я призадумалась. Выходит, что подобной конторы и вовсе не существует! У меня имеется одна зацепка – фамилия и имя риелтора. Если, конечно, они не вымышленные, я могу попытаться найти некую Маргариту Костину в базе лиц, проживающих в нашем городе. Сперва я забила в базу имя и фамилию женщины, на что мне сеть выдала целых двести тридцать человек. А вот конкретно в Тарасове проживали только две Маргариты Костины. Я внимательно переписала контактные данные обеих – телефоны, адреса, а заодно и возраст. Одной Маргарите Костиной было двадцать три года, другой – на двадцать лет больше. Вера описывала риелтора как женщину примерно своего возраста, однако я решила проверить обеих – внешность можно запросто изме-

нить, достаточно сделать соответствующий макияж и причёску да выбрать подходящую одежду – и все, нужный типаж готов.

Хорошо, что Кирьянов в свое время объяснил мне, как по интернету находить базу жителей Тарасова и области – хотя бы за этим не требовалось ни к кому обращаться. Я задумалась, кем бы представиться для встречи с обеими кандидатками на роль риелтора. Говорить, что ищу квартиру, я не собиралась – раз риелтор была замешана в афере с Верой, она постарается замести следы. В принципе подойдет беспроегрышный вариант – я могу представиться либо журналистом, который пишет статью, либо действовать по обстоятельствам. Первая Маргарита, помладше, окончила Тарасовский университет и работала, как сообщали данные, в лицее иностранных языков. Значит, с ней все понятно, кажется, я придумала, кем назваться...

Трубку Маргарита номер один сняла сразу же. Голос ее был официальным и никак не мог принадлежать женщине столь молодого возраста. Однако я не смутилась и поздоровалась со своей собеседницей.

– Скажите, могу я поговорить с Маргаритой Костиной? – поинтересовалась я, выясняя, туда ли я попала.

– Да, я вас слушаю, – быстро подтвердила та. – Только, пожалуйста, говорите быстрее, у меня урок.

Ага, значит, и правда Маргарита работает преподавателем. Но это не важно – даже порядочный на первый взгляд

учитель может оказаться преступником. Конечно, имя и фамилию липовый риелтор запросто мог себе придумать любые, но мне требовалось проверить все возможные варианты. В конце концов, для разговора с подозреваемыми я часто пользуюсь своими настоящими именем и фамилией. Если речь шла о том, чтоб обвести вокруг пальца доверчивую провинциалку, злоумышленники могли не затевать волокиту с фальшивым паспортом – ладно если бы Вера была человеком въедливым и внимательным, так просто бы дело не оставила. Однако преступники вполне могли решить, что обманутая жертва растеряется и ничего лучше не придумает, кроме как вернуться в свою Екатериновку.

– Меня интересуют уроки иностранного языка, – самозабвенно принялась врать я. – Скажите, какие языки кроме английского вы преподаете?

– Французский и испанский, – тут же ответила Маргарита, а потом произнесла, явно обращаясь не ко мне: – Please, repeat once more!

– Ой, извините, что отвлекаю вас! – виновато сказала я. – Может, мне лучше подъехать куда-нибудь, чтобы поговорить в удобное для вас время?

– У меня уроки заканчиваются в половине седьмого, – ответила та. – Можете подъехать к языковому центру, он находится на Батавина, тридцать три.

Выдав мне эту информацию, женщина отключилась. Я посмотрела на часы – они показывали половину шестого. Ито-

го у меня есть час на то, чтобы добраться до этого самого языкового центра. Надеюсь, не застряну в пробках и мне повезет застать первую подозреваемую на месте.

Выезжать из Ельинского района пришлось по темной, неосвещенной дороге. Почему-то фонари здесь поставить никто не потрудился, но по обочинам лежал снег, благодаря чему улицы было видно. На мое счастье, заторов в это время по направлению к центру города не было, поэтому, если опустить факт отсутствия освещения, добралась до Башкинского района я быстро, а там дороги оказались более цивилизованными.

Я знала несколько языковых центров в Тарасове, однако тот, что находился на улице Батавина, не посещала ни разу. Вообще я не слишком сильна в изучении иностранных языков – конечно, английским владею вполне сносно, зато другими языками никогда не интересовалась. Могу сказать пару слов на немецком и французском, однако на этом мои познания заканчиваются. Было дело, в школе мечтала изучить испанский, однако мечту в жизнь так и не воплотила. Может, когда-нибудь в старости, отойдя от работы частного детектива, я и примусь за прослушивание аудиоуроков испанского и освою игру на фортепиано, однако так далеко предпочитаю не загадывать.

Языковой центр «Лингва», где, судя по всему, вела уроки Маргарита Костина, располагался в современном девятиэтажном здании. Я сразу увидела большую подсвеченную

вывеску, обещающую желающим занятия по английскому, немецкому, французскому, испанскому, китайскому и японскому языкам. Да, хотела бы я посмотреть, сколько народу учит восточные языки – по-моему, эти мудреные иероглифы освоить попросту нереально. И как только китайцы и японцы их придумали, нет бы ограничиться банальной азбукой! Правда, в последнее время и китайский, и японский пользуются популярностью – Китай, понятно, граничит с Россией, а Япония стала столь знаменитой благодаря аниме и манге, которыми увлекается, наверно, каждый второй подросток нашего города. Хорошо, что мне не нужно стихийно выдавать себя за поклонницу восточной культуры и посещать языковые курсы – как-то не слишком хочется посвящать добрую часть своего времени записыванию всех этих закорючек.

Я вошла в здание и сразу попала в вестибюль с контрольно-пропускной системой. За столом сидела администратор, женщина лет пятидесяти с тщательно накрашенными глазами и кудрявыми черными волосами. Она вопросительно посмотрела на меня, и я поняла, что следует представиться и объяснить, куда я направляюсь.

– Здравствуйте, – вежливо начала я. – Мне нужно поговорить с Маргаритой Костиной, она преподает иностранные языки. Не подскажете, где мне ее найти? Она мне встречу на половину седьмого назначила.

– Пятый этаж, пятьсот девятая аудитория, – механиче-

ским голосом отрапортовала та. Да я могла и не стараться – проверять, точно ли мне назначена встреча с преподавателем, никто не пытался. У меня даже паспорт не спросили – пропустили без лишних вопросов.

Так как я приехала только к началу седьмого, в кабинете под номером пятьсот девять еще шел урок – я слышала, как несколько учеников, судя по всему, начального уровня, повторяют за преподавательницей фразы и отвечают на вопросы. Я встала возле большого окна без занавесок и жалюзи и, облокотившись о подоконник, принялась ждать окончания занятия. Судя по голосу, Маргарите Костиной было по меньшей мере лет сорок. Странно, что в базе указывался совершенно иной возраст: говорила женщина строго, с прекрасным английским акцентом, а учащимся, опять-таки исходя из того, что я слышала, было лет по десять-двенадцать. Наверно, скоро за ними приедут родители, чтобы забрать после урока, время ведь уже позднее, вряд ли ученики курсов добираются до дома самостоятельно.

Мои размышления прервала фраза учительницы, прозвучавшая достаточно громко:

– Your home task is... – далее следовало указание, на какой странице распечатки следует выполнить домашнее упражнение и что сделать к следующему уроку. Значит, урок уже заканчивается – наверно, Маргарита Костина решила отпустить пораньше своих учеников. Послышался звук открываемых сумок, топот, и вскоре из кабинета, переговарива-

ясь между собой, вышли пять учеников – две девочки и три мальчика. Я не ошиблась, когда определила возраст детей по голосам – им и на вид было лет по одиннадцать-двенадцать.

Дети заспешили к лестнице, не обратив на меня никакого внимания, а я, убедившись, что все ученики покинули кабинет, подошла к аудитории. Вежливо постучала в дверь три раза и, не дожидаясь приглашения, вошла внутрь.

Кабинет английского языка представлял собой обычный класс с партами, стульями, учительским столом и современной доской, на которой пишут маркерами, а не мелом. На доске значилась сегодняшняя дата, написанная, само собой, на английском, а сбоку – домашнее задание и столбик новых слов. Я посмотрела в сторону учительского стола, около которого стояла женщина и собирала свою сумку. Это была высокая худощавая брюнетка с короткой стрижкой «каре», в очках, которые делали ее лицо строгим и серьезным. Однако я сразу поняла, что и прическа, и чопорный, с иголки, брючный костюм, и такая деталь, как очки в черной оправе, – не более чем средства, чтобы выглядеть старше. Лицо Маргариты Костиной, если убрать всю косметику, выдавало в ней юную женщину, которой едва ли исполнилось двадцать пять лет. Да, а по голосу и не скажешь – похоже, она использует все методы для придания себе солидности. Может, хочет таким образом создать соответствующую дисциплину и настроить учеников на серьезный лад. Ведь люди – я имею в виду родителей – не станут отдавать своих детей на

уроки к преподавателю, который недавно окончил университет. Всем хочется видеть в роли учителя солидного человека с большим опытом, и не важно, что недавний студент или студентка обладает хорошим багажом знаний и умеет найти подход к каждому учащемуся.

Маргарита повернулась ко мне лицом и тем же строгим голосом уточнила:

– Это вы мне недавно звонили? Насчет уроков?

– Да, я, – кивнула я. – Меня Татьяна зовут, я бы с вами поговорить хотела.

– Да, я вас слушаю, – внимательно посмотрела на меня учительница. – Вы сами заниматься хотите или ребенка привести? Какой язык вас интересует?

– Я сама хочу, – ответила я. – Хочу подтянуть свой английский и выучить испанский. Вы ведь и его преподаете, да?

– Да, именно так, – подтвердила Маргарита. – Английский, испанский и французский. У меня занятия каждый день, с восьми утра и до половины седьмого вечера по вторникам и четвергам, в остальные дни – с восьми и до восьми. Испанский и французский языки я веду два раза в неделю, английский – три.

– Что, без выходных? – ужаснулась я. Маргарита впервые за все время улыбнулась.

– Иногда беру себе один выходной, но крайне редко, – уточнила она. – В последний раз это было летом. Зато отпуск

длится целый месяц, в августе занятий нет.

– Ничего себе! – поразилась я, а про себя подумала: «Вера рассказывала, что встречалась с риелтором около недели назад, точнее, по приезде в Тарасов. Я узнала у женщины, что приехала она в прошлую среду, сейчас был четверг, и с Маргаритой Костиной она общалась восемь дней назад».

– А по средам у вас, вы говорите, занятия с восьми и до восьми? – задала я интересующий меня вопрос. Молодая учительница кивнула.

– Но в среду я веду английский, у меня десять групп, они постоянные, – сказала она. – Только прежде чем вас записать в определенную группу, мне надо знать ваш уровень владения английским языком. У нас есть группа начинающих, продолжающих и продвинутый уровень. Вы свободно разговариваете на языке?

– Можно и так сказать, – пожала я плечами. – Читаю и перевожу со словарем, а вот с грамматикой у меня беда, не понимаю ее еще со школьной скамьи.

– Вы для себя хотите язык учить или вам по работе требуется? Или собираетесь ехать в англоязычные страны и язык нужен для общения с местным населением? – поинтересовалась Костина.

– Ну, для себя, хотя и по работе пригодится, – сомневающимся тоном проговорила я. – Мне бы в среду занятия были удобны, с четырех часов.

Исходя из рассказа Веры, с риелтором она встречалась

приблизительно в пять вечера, и сразу после разговора с Костиной она поехала смотреть квартиру. Значит, мне нужно узнать, была ли моя собеседница на рабочем месте с четырех вечера, а если она скажет, что в это время у нее окно, можно продолжать расспросы. Она вполне могла устроить себе короткий день – раз работает без выходных – и в ту среду спокойно обдурить Веру.

– Так, с четырех до шести у меня детская группа, – произнесла женщина. – С шести до восьми – продолжающие, это четырнадцать-пятнадцать лет. Правда, в эту группу ходит еще одна женщина лет сорока – сорока пяти, но она в детстве учила немецкий, а у меня занимается второй год. Вы можете попробовать ходить в эту группу, если время вас устроит.

– А в прошлую среду мне сказали, что занятий не было, – решила я идти напролом. – Я спрашивала, говорили, преподаватель не пришел.

– Преподаватель английского языка? – изумилась Маргарита. – Кто вам такое сказал?

– Дочка моей знакомой, Оля, – продолжала врать я. – От нее я и узнала про курсы. Она вроде к четверем приходила, а аудитория была закрыта.

– Но у меня нет ученицы по имени Оля, – возразила Костина. – Какая у нее фамилия?

– Зябликова, – пожалала я плечами. Преподавательница открыла журнал с пометкой «среда» и показала мне список

учащихся.

– Видите, нет тут никакой Оли Зябликовой! – прокомментировала она. Я вперилась глазами в список и попыталась запомнить несколько имен и фамилий. Хорошо, что память у меня едва ли не фотографическая – я запомнила пять учащихся с твердым намерением пробить их по базе.

– Может, она другой язык учит? – продолжала расспрашивать меня Маргарита. Я отрицательно покачала головой.

– Нет, точно английский, – заявила я. – И в прошлую среду уроков не было!

– Скорее всего, дочка вашей знакомой либо прогуливает уроки у другого преподавателя, либо просто ошиблась аудиторией, – заключила учительница. – В прошлую среду урок был, это я вам точно говорю, ведь я его вела. В обеденный перерыв я тоже в центре нахожусь, никуда не отлучаюсь, поэтому то, что вы рассказываете, либо ошибка, либо ложь. Пспрашивайте эту Олю, к какому она преподавателю ходит, вполне вероятно, девочка что-то напутала.

– А Веру Виноградову вы знаете? – в лоб спросила я, внимательно вглядываясь в лицо собеседницы, надеясь, что та хотя бы одним движением выдаст, что знакома с моей несчастной клиенткой. Но то ли Маргарита была великолепной актрисой, то ли и правда непричастна к афере, однако ни ее голос, ни мимика ни о чем не говорили.

– Такой ученицы у меня нет, – покачала она головой. – Ни в группе английского языка, ни в других. Она что, тоже

приходила в среду, когда якобы занятий не было?

– Нет, в среду она не приходила, – покачала я головой. – Просто тоже рассказывала про ваш языковой центр, хвалила преподавателей.

– Значит, она учит какой-то другой язык, – сделала вывод Маргарита. – Ну что вы решили? Будете записываться в группу по средам? Насчет оплаты занятий вам известно?

– Да, я знаю, – кивнула я. – Давайте я подумаю, потом вам сообщу.

– Оплата производится за весь семестр, – пояснила преподавательница. – Сейчас конец первого семестра, начинать обучение лучше с нового года. У нас новый семестр начинается с двадцать шестого января, заканчивается двадцать седьмого июля. Первый гораздо короче, он разговорный, а грамматические нормы мы изучаем со второго, это во всех группах. Если с разговорным языком у вас все в порядке, думаю, вам лучше начинать занятия с нового года. Оплата производится с семнадцатого по двадцать седьмого января, вы можете заплатить наличными или перевести на карту. Номер нашего менеджера вы знаете?

– Нет, дайте, пожалуйста, – попросила я. Маргарита продиктовала мне цифры, я старательно забила их в память телефона.

– И еще раз уточните у дочери вашей подруги, куда она приходила в среду! – строгим голосом попросила молодая учительница. – Я точно помню, что в группе с четырех до ше-

сти отсутствовал только Винников Андрей, но у него справка по болезни. Все остальные дети не пропускают уроки, родители за этим строго следят. У нас высококвалифицированные преподаватели и очень хорошая организация, поэтому мы стараемся сделать так, чтобы наши ученики были довольны. Поэтому такого, чтоб урока не было, попросту не случается, к тому же мы подбираем для учеников школ максимально удобное для них расписание. Те, кто учатся во вторую смену, занимаются по утрам, с восьми часов.

– Хорошо, я уточню, – пообещала я. Похоже, у Маргариты Костиной имеется алиби: я посмотрела в журнал посещаемости – в ту среду, когда Вера встречалась с риелтором, и правда была почти вся группа. Что сделаешь, первый блин комом – Маргарита номер один к махинациям с жильем не причастна.

Я поблагодарила преподавательницу за информацию и пообещала подумать по поводу занятий. Она вежливо, но сухо попрощалась со мной, и я покинула аудиторию.

* * *

Маргарите номер два было сорок три года и, согласно интернет-базе, до две тысячи пятнадцатого года она работала поваром-кондитером в кафе «Березка», находящемся в центре Тарасова. Правда, чем Маргарита занималась последние три года, было неизвестно, и я включила ее в список подозре-

ваемых. Точнее, она и оставалась моим единственным подопреваемым, так как первая Маргарита оказалась совершенно не причастна к делу Веры Виноградовой.

Визит к Маргарите номер два я решила нанести сразу после языкового центра, хотя, когда я покинула «Лингву», было почти восемь вечера. Конечно, в такое время гостей обычно не принимают, но я частенько пренебрегаю правилами этикета, особенно когда увлекусь очередным расследованием. Откладывать до завтрашнего дня посещение второй Маргариты мне не хотелось, к тому же днем женщина могла быть не дома – мало ли какие дела появляются у сорока-трехлетнего повара-кондитера. А может, она попросту сменила заведение общепита и работает неофициально? Хотя вряд ли, в базе должно указываться, где трудится человек, если он работает по трудовой книжке. Видимо, Маргарита попросту переквалифицировалась в кого-то еще, она вполне может быть фрилансером и зарабатывать на хлеб насущный, не выходя из дома. Прежде чем ехать по указанному адресу, я позвонила по телефону, однако трубку никто не взял. Восемь вечера – рановато для сна, может, телефон женщина забыла в другой комнате, а сейчас, к примеру, ужинает на кухне?

Так и не дозвонившись до второй Маргариты, я поехала по адресу, указанному в базе интернета. Бывшая повар-кондитер проживала на Автомобильной улице, которая располагалась неподалеку от Центрального проспекта. Заторов уже

в это время не было, поэтому я добралась быстро и уже через десять минут припарковала свою машину возле высокого десятиэтажного дома под номером двадцать семь.

Если верить моим источникам, Маргарита Костина проживала на пятом этаже, в пятьдесят девятой квартире. Я набрала номер на домофоне, мне сразу открыли. Странно, не поинтересовались, кто это – стало быть, Маргарита кого-то ждет? Может, муж или дочь ушли в магазин, вот женщина и открывает дверь без вопросов. Да и если подумать, кто вздумает приходить в гости на ночь глядя?

Я поднялась в лифте на пятый этаж, подошла к открытой двери, на пороге которой стояла бледная испуганная девушка лет восемнадцати. Потертые джинсы, растянутая футболка, взлохмаченные волосы – то ли она не обращает внимания на свой внешний вид, то ли у нынешней молодежи мода такая, но что-то подсказывало мне, что дело в другом. И я не ошиблась в своих предположениях.

– Вы одна дежурите? – сразу спросила она меня. Я поняла, что девушка ожидает кого-то другого, и покачала головой:

– Нет, вы, вероятно, меня с кем-то путаете. Я хотела поговорить с Маргаритой Костиной, она ведь здесь проживает? Мне правильно сказали? Я звонила, но трубку не брали...

– Да, мы с мамой тут живем, – кивнула моя собеседница все так же взволнованно. – Только... только боюсь, вы поговорить с ней не сможете. Я думала, это «Скорая помощь» приехала, я минут двадцать назад вызывала.

– Что-то случилось с вашей мамой? – уточнила я. Девушка кивнула.

– Сразу видно, что вы ничего не знаете... – проговорила она обреченным голосом. – Я теперь каждый день «Скорую» вызываю, раньше приступы реже были. А теперь вот каждый день, в больницу ее не кладут, отказываются. А я не знаю, что мне делать и как помочь. Сильнодействующие обезболивающие на дом не выдают, а «Скорая» приезжает не часто...

Теперь я явственно расслышала, что из глубины квартиры доносятся мучительные стоны. Похоже, Маргарита Костина страдает каким-то тяжелым заболеванием. Ничего на ум, кроме раковой опухоли, мне не пришло.

– А... простите, у вашей мамы – что с ней? – постаралась я спросить как можно деликатнее. Девушка мотнула головой и проговорила:

– Вы проходите, на ночь глядя я же не стану вас заставлять на улицу идти. Точнее, да, сейчас не время разговаривать с мамой, но... если у вас какое-то срочное дело, то... может, я смогу помочь? Все равно «Скорую помощь» ждать, а раз уж вы тут...

Я поняла, что девушке страшно находиться одной в этой комнате, где страдает ее больная мать. Я поблагодарила за приглашение и вошла в узкий, полутемный коридор. Несмотря на то что горела лампа, толку от нее было мало, то ли мощность была маленькая, то ли абажур запылится. Девушка пригласила меня пройти на кухню.

– Я уже все обезболивающие дала ей, укол сделала, – прошептала она. – Ничего не помогает. Врач сильный препарат вколет, может, ночь пройдет спокойно. Скорее бы уже они приехали...

Я уселась на табурет, оглядела маленькую, незатейливую кухню. Несмотря на то что район, где проживала Маргарита Костина, считался центральным и престижным, я бы не сказала, что обитатели пятьдесят девятой квартиры были богатыми или хотя бы состоятельными. Ремонт здесь давно не проводился, полы хоть и чистые, но покрыты старым линолеумом, обои тоже не мешало бы поменять. Обычная планировка – газовая плита, стол для приготовления пищи, раковина. Наверху – кухонные шкафчики для посуды, рядом с плитой стоит мультиварка, а посередине кухни – большой прямоугольный стол. Единственное, что здесь можно считать относительно новым, так это большой белый холодильник, украшенный магнитами и наклейками. На холодильнике – маленький телевизор, наверно, Маргарита Костина любила смотреть передачи и фильмы не с экрана монитора, а «по старинке».

Девушка села на табурет напротив меня, положила локти на стол и обхватила руками голову. Я вспомнила, что так и не представилась, да и имени девушки не знаю.

– Меня зовут Таня, – сказала я. – А как к вам обращаться?

– Наташа, – ответила девушка. – Вы, наверно, у мамы торт хотели заказать, да? Она же раньше подрабатывала так, дома

на заказ такие красивые делала... Некоторые рецепты сама придумывала, я ей украшать их помогала... Так и было, пока это все не случилось.

– Что приключилось с вашей мамой? – участливо спросила я. Девушка пожала плечами.

– Рак желудка. Непонятно почему, непонятно отчего... Вначале думали, что гастрит, или язва, началось все с тошноты и болей. Маму часто стало рвать после еды. Она жаловалась, что поест даже немного, и возникает ощущение переполнения, тяжесть. Я ей ферменты в аптеке купила, но они не помогали. Я-то думала, что это от еды – ну она же кондитером была, а когда готовишь, надо постоянно пробовать, что получается. Мама торт на заказ готовила, сложный он был, вот я сначала решила, что она отравилась, но, когда отравление не проходило неделю и больше, мы с ней беспокоиться стали. Врачи диагностировали язву, может, вначале так и было, но потом все хуже стало. Мама очень резко похудела, вообще едва ли не в два раза, не могла выходить на работу. Только после обследования повторного ей рак поставили, метастазы распространяться стали, и теперь ей вряд ли что-то поможет. Только и остается врачей ждать, чтобы сильнодействующий укол сделали. Говорят, что рак дал метастазы в поджелудочную железу и печень, а с таким диагнозом больные редко проживают хотя бы два года. Я понимаю, что маму не спасти, но не могу поверить, что скоро ее не станет.

Девушка закрыла лицо руками и тихо заплакала. Ее сдавленные рыдания перемежались с глухими стонами, которые раздавались из дальней комнаты, и я почувствовала себя абсолютно беспомощной и неспособной что-либо сделать. Я подошла к несчастной девушке и стала осторожно гладить ее по голове, ощущая под руками спутанные, нерасчесанные волосы. Наташа не выражала ни недовольства, ни других эмоций – может, она просто не понимала, что происходит, целиком погруженная в свое горе. Раздался звонок в дверь – я пошла открывать. Приехала «Скорая помощь» – две женщины лет сорока-пятидесяти в синей униформе. Одна держала в руках чемоданчик с препаратами и медицинским оборудованием, другая – сумочку с лекарствами.

– Наташа! – позвала я девушку. – Врачи приехали, сможете проводить их к больной?

Девушка вышла в коридор, тихо поздоровалась с медиками. Глаза у нее были красные, лицо, напротив, бледное, осунувшееся. Выглядела она, как будто сама болеет какой-то тяжелой болезнью. Наташа коротко поблагодарила меня и повела врачей в комнату своей матери. Я тихо прошла за ними.

Конечно, в жизни мне доводилось многое повидать, однако сейчас даже я растерялась от открывшейся передо мной картины. В небольшой комнате, немногим больше кухни, на кровати со скомканным одеялом лежала сухая, изможденная болезнью женщина. Если б я не знала, что Маргарите Костиной сорок три года, то подумала бы, что этой несчаст-

ной по меньшей мере больше шестидесяти. Абсолютно бледное, восковое лицо с заостренными чертами, выбритый череп – видимо, следы химиотерапии, тонкие пальцы, напоминающие лапки насекомого... Но сильнее потрясала не внешность больной, а выражение ее лица – безысходное страдание, бесконечные муки, которым нет конца, а сквозь сдавленные губы прорывались глухие, нечеловеческие стоны.

Врач, что постарше, подошла к кровати, деловито достала шприц, иглу и ампулу. Привычным движением набрала препарат, без лишних слов сделала инъекцию. Ее напарница молча подавала необходимые ампулы, и так же, без лишних слов, забирала использованные. Создавалось впечатление, что эти врачи прекрасно знают больную, поэтому заранее приготовили необходимые препараты.

Наташа тоже стояла молча, наблюдая за отточенными действиями врачей. Я поняла, что больше мне тут делать нечего, и молча покинула комнату. Никто на это не обратил внимания.

* * *

Уже вернувшись домой, я снова набрала номер агентства «Эллада», ни на что не надеясь, скорее машинально, – я же решила, что поздно вечером никакой офис работать не может, и не важно, настоящий он или липовый. Скорее я ожидала застать владельца номера врасплох – может, кто-то все-

таки возьмет трубку? Естественно, меня ожидало разочарование. Я прослушала несколько длинных унылых гудков и отключила связь.

Усевшись за стол, я включила компьютер и несколько минут просидела, бестолково уставившись в экран. Итак, что я выяснила за сегодняшний день? Только то, что агентства «Эллада» никогда не существовало, а Маргарита Костина – чей-то псевдоним. Я спрашивала Веру, как выглядит риелтор, однако женщина описала аферистку весьма туманно. Кроме ее примерного возраста я знала, что Маргарита Костина была одета в клетчатое пальто, зеленую шапку и ярко красила губы в бордовый цвет. Под это описание мог подойти кто угодно – наверно, если я оденусь соответствующим образом и воспользуюсь именно такой помадой, Вера подумает, что я и есть тот самый риелтор.

Да, расследование начинается не слишком удачно. Дело вроде и простое, Кирьянов был уверен, что я распутаяю его в два счета, только в действительности оказалось все не так благополучно. В первый же день я забуксовала на месте. В списке подозреваемых – ни одной заполненной графы, а следов агентства «Эллада» я так и не обнаружила. У меня осталось одно-единственное предположение, которое завтра я намеревалась проверить. Но сперва мне надо было уточнить некоторые детали у Веры Виноградовой, и я набрала мобильный номер своей клиентки.

Однако трубку никто не брал. Странно, только десять ве-

вчера, редко кто ложится спать в такое раннее время. Хотя, может, Вера – жаворонок, ложится в девять и просыпается в пять-шесть утра? Или сказались переживания и волнения, потому женщина и легла спать пораньше... Что же, придется отложить разговор с Верой до завтрашнего утра, и если все пойдет, как я запланировала, мне и самой не мешало бы выспаться. Увы, я не была уверена, что это мне удастся – сегодняшним рабочим днем я не удовлетворена, а это значит, что мне необходимо срочно наметить план на завтрашний день. Как назло, все мысли оказались бестолковыми, и большую часть времени я сидела за компьютером да выкуривала одну сигарету за другой.

Создала документ на рабочем столе, назвала его «Вера Виноградова». Единственное, что я туда занесла, – это имя «Маргарита Костина» и название агентства – «Эллада». Вспомнив рассказ женщины, включила в документ имена Иван и Алексей. Первое-то ладно, с сыном Веры не мешало бы поговорить, вот только Алексей, первая и неудачная любовь моей клиентки, вряд ли имел отношение к афере с квартирой. Да и зачем ему это? Мстить своей любовнице? Да сколько лет прошло, он, поди, и забыл ее, и мстить, по логике, должна Вера – ведь бросил-то ее Алексей. Денег у женщины не было, тот капитал, который она скопила, по тарасовским меркам, лишь жалкие копейки. Конечно, если дело пойдет совсем в тупик, придется разыскать и бывшего бойфренда Виноградовой, однако интуиция подсказывала мне,

что я зря потеряю время.

Так ни до чего и не додумавшись, я прошла на кухню, включила чайник, намереваясь заварить себе кофе. Однако, взглянув на часы, поняла, что если сейчас выпью эспрессо, то заснуть сегодня мне точно не удастся. Пришлось отказаться от подобной идеи.

В конце концов я решила прибегнуть к последнему методу, которым раньше пользовалась весьма часто. На заре своей карьеры я не расставалась с мешочком с гадальными костями – спрашивала у высших сил совета всякий раз, когда затруднялась придумать дельную мысль, или просто так гадала на день грядущий. Со временем гадальными костями я пользоваться почти перестала – попросту не было в этом необходимости. Да и интерес к ним пропал, наигралась, и ладно. А вот сейчас сделать расклад мне не помешает – может, хотя бы гадание поможет сориентироваться в моих дальнейших действиях.

Я открыла дверцу книжного шкафа, извлекла оттуда красный мешочек с костями и книжку с толкованием предсказаний. Мысленно задала вопрос: «Что следует предпринять в расследовании дела Веры Виноградовой?» Если спрашивать ответ на абстрактный вопрос, то и толкование будет малопонятным, поэтому главное – сформулировать точно, что меня интересует.

Я перемешала гадальные кости и бросила на стол все три. Каждая кость имеет три грани, на одной указаны цифры от 1

до 12, на другой – от 13 до 24, на третьей – от 25 до 36. Когда кости бросают, на верхних гранях возникает комбинация из трех цифр, это и является ответом на мой вопрос.

Итак, что мне советуют высшие силы по делу, которое я расследую?

На верхних гранях выброшенных мною костей я прочла сочетание: 36, 20, 1. Я с интересом открыла книжечку с толкованиями, нашла мою комбинацию. Кости говорили следующее: «В делах можно ожидать перемен к лучшему, но приготовьтесь к долгому и утомительному путешествию». Я задумалась. Перемены к лучшему, конечно, радуют, вот только уезжать из Тарасова я не собиралась. Если подумать, в последние годы я вообще не путешествовала – как-то не до этого, да и не такая я любительница курортного отдыха. Конечно, было дело, я и на море ездила, и в санатории, и по городам России путешествовала, за границей бывала... Однако не могу сказать, что я большая фанатка дальних странствий – на морском курорте я заскучала буквально на второй день, а дорогу на поезде и вовсе перенесла с трудом – после этого старалась пользоваться самолетом. Лучшее развлечение для меня – это какое-нибудь запутанное дело, которое интересно расследовать. Поэтому работа для меня всегда предпочтительнее отдыха, а езжу я исключительно по необходимости.

Я решила, что кости следует бросить во второй раз – может, я давно их не использовала, вот они и сказали не то, что следовало. Конечно, когда гадаешь каждый день, дважды за

день бросать кости не следует, потому что они начнут врать. Но в моем случае можно дать второй шанс высшим силам – пусть исправят свое предсказание и подскажут мне что-нибудь дельное.

Однако во второй раз комбинация цифр тоже оставляла желать лучшего. Я отыскала толкование сочетания: 24, 33, 11. Посмотрела на предсказание. Да, не знаю, что понятнее – первое или второе... На этот раз кости говорили мне: «Ваши авантюрные похождения, к сожалению, могут привести к неприятным последствиям, может пострадать ваше здоровье». Этого мне еще не хватало! Какие еще авантюры? Кроме расследования я ни во что не ввязываюсь, экстрима у меня и на работе хватает. Похоже, сегодня для гаданий не лучший день – во всяком случае так мне казалось. Однако подумав, я пришла к выводу, что ничего странного во втором предсказании нет – ведь во время каждого расследования я так или иначе впутываюсь в авантюры: а чего не сделаешь ради работы?! Значит, дело Веры Виноградовой не такое простое, как кажется на первый взгляд, раз кости предупредили меня об угрозе моему здоровью. Следует быть осторожной и не действовать наобум, чтобы избежать неприятных последствий.

Внезапно раздался звонок мобильного телефона. Я взглянула на дисплей – звонила Вера Виноградова. Стало быть, женщина не спит. Что ж, это весьма меня порадовало – не нужно завтра утром думать, разбуду я ее или нет своим звонком.

– Добрый вечер, Татьяна Александровна! – тихо поздоровалась со мной клиентка. – Вы мне звонили? Простите, я не взяла трубку, ходила в магазин, а телефон дома оставила.

– Ничего страшного! – заверила я ее. – Я, надеюсь, вас не разбудила?

– Что вы, нет, конечно! – воскликнула моя собеседница. – Я в последнее время вообще толком не сплю от всех этих переживаний. Скажите, вам удалось найти агентство? Или риелтора, я же ей деньги отдала...

– Пока нет, но я делаю все возможное, чтобы разыскать аферистов, – произнесла я. – Вера, скажите, а кто вам посоветовал агентство «Эллада»? Вы говорили, что ваш сын нашел объявление, не знаете, может, ему кто рассказывал про эту фирму?

– Нет, Ваня вроде сам нашел... – сомневающимся тоном проговорила женщина. – Но я не расспрашивала его, он мне записку дал, и все. Кто знает, может, ему и посоветовали агентство, как-то не пришло в голову спросить.

– Вера, а ваш сын – он сейчас в Екатериновке? – поинтересовалась я.

– Да, я же рассказала ему, как меня обманули с квартирой! – уныло произнесла она. – Поэтому Ваня работает у себя на фабрике, ехать-то некуда.

– Еще не ориентируете, Екатериновок в области много, где конкретно ваш поселок располагается? – продолжала я свои расспросы.

– Ну, в трех часах езды от Тарасова, – ответила моя собеседница не слишком уверенно. – Вы если на электричке, она с девятого пути отправляется, поедете по линии Тарасов – Ртищево.

Ну на электричке до поселка я добираться не собиралась – на машине, думаю, доеду гораздо быстрее. Жаль, что Вера не знает дороги, придется смотреть по карте, по какой трассе туда доехать.

– А по какому адресу проживает ваш сын в Екатериновке? – приготовилась я записать местоположение дома Веры.

– Там по главной улице третий дом, – пояснила женщина. – Точный адрес – проспект Мира, дом три, квартира шесть. Вы легко найдете, не заблудитесь. Жаль, я не знаю расписания электричек, вам бы помогла хотя бы этим. Вы хотите с Ваней поговорить, да?

– Вы правильно догадались, – подтвердила я. – Может, он скажет, откуда взял это самое агентство, которого и в интернете не существует.

– Ой, вам, наверно, до вокзала еще добираться... – забеспокоилась Вера. – Одним днем ездить туда-сюда накладно, целых шесть часов в пути... Жаль, у нас даже гостиниц нет, вы бы приехали в один день, а на другой электричкой назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.